

ВОЙНА КАК НЕДУГ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ В. М. ГАРШИНА И Л. Н. АНДРЕЕВА

А. И. Нестер

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, annapou91@gmail.com*

Доклад посвящен анализу произведений военной тематики Всеволода Михайловича Гаршина и Леонида Николаевича Андреева. На материале объектов исследования (рассказы Гаршина «Четыре дня» (1877), «Трус» (1878), «Денщик и офицер» (1880), «Из воспоминаний рядового Иванова» (1882); рассказ Андреева «Красный смех» (1904), повесть «Иго войны» (1916)) прослеживается определённая общность художественной манеры писателей, влияние текстов Гаршина на творчество Андреева. Фундаментальным и ключевым аспектом исследования являются аксиологические и онтологические категории, осмысление войны в рамках мировоззрения каждого из писателей. В рассмотрение также включены актуальные письма, воспоминания и публицистические работы авторов и их современников, обеспечивающие понимание социально-исторического и философского контекстов.

Ключевые слова: Всеволод Гаршин; Леонид Андреев; война; безумие; художественный метод.

ВАЙНА ЯК ХВАРОБА ЧАЛАВЕЦТВА: ЛІТАРАТУРНЫ ДЫЯЛОГ У. М. ГАРШЫНА І Л. М. АНДРЭЕВА

Г. І. Несцер

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, annapou91@gmail.com*

Даклад прысвечаны аналізу твораў ваеннай тэматыкі Усевалада Міхайлавіча Гаршына і Леаніда Мікалаевіча Андрэева. На матэрыяле аб'ектаў даследавання (апавяданні Гаршына «Чатыры дні» (1877), «Баязлівец» (1878), «Дзяншчык і афіцэр» (1880), «З успамінаў радавога Іванова» (1882); апавяданне Андрэева «Чырвоны смех» (1904), аповесць «Ярмо вайны» (1916)) прасочваецца пэўная агульнасць мастацкай манеры пісьменнікаў, уплыў тэкстаў Гаршына на творчасць Андрэева. Фундаментальным і ключавым аспектам даследавання з'яўляюцца аксіялагічныя і анталагічныя катэгорыі, асэнсаванне вайны ў рамках светапогляду кожнага з пісьменнікаў. У разгляд таксама ўключаны актуальныя лісты, успаміны і публіцыстычныя працы аўтараў і іх сучаснікаў, якія забяспечваюць разуменне сацыяльна-гістарычнага і філасофскага кантэкстаў.

Ключавыя словы: Усевалад Гаршын; Леанід Андрэеў; вайна; вар'яцтва; мастацкі метад.

Чередой военных конфликтов последней трети XIX – начала XX вв., постоянно нарастающее напряжение и совокупность политических и мировоззренческих коллизий закономерно привели к трагичной критической точке – двум мировым войнам, кардинально изменившим ход истории. Попытка осмысления ужасающих событий, рефлексия на них, проблема теодицеи и стремление сохранить морально-этическую составляющую личности вопреки обстоятельствам стали для многих выдающихся умов соответствующей эпохи семантической доминантой.

Особое внимание следует уделить философской концепции войны В. С. Соловьёва, обретшей впоследствии особую популярность среди русских эмигрантов. В фундаментальных трудах «Оправдание добра» (1897) и «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями» (1899) сущностный аспект войны раскрывается с нестандартной точки зрения. Соловьёв ввёл в научный оборот понятие «смысл войны», связывая социально-политический и духовно-нравственный межкультурные конфликты: «В тождественности истории человечества с историей войны В. С. Соловьёв видел “хронический недуг человечества”» [6, с. 11].

К теме войны и её всеобъемлющего влияния на жизнь каждого человека активно обращались и писатели. Мы проследим развитие и трансформацию восприятия военных действий, соотношение категорий традиционного и новаторского в художественном методе В. М. Гаршина и Л. Н. Андреева.

В литературоведческом дискурсе сравнительно-сопоставительный метод обнаруживает огромный потенциал: и произведения, и авторы находятся в ситуации перманентного взаимовлияния и содействия – очевидного или имплицитного. Компаративные исследования позволяют систематизировать выявленные закономерности и глубже проникнуть в суть литературного процесса через цепь переосмыслений и перцепций.

«В характере Гаршина главной чертой было – не от мира сего – нечто ангельское. Добрейшая деликатнейшая натура. <...> В прошлом году я испытал повторение такого знакомства, познакомившись с Леонидом Николаевичем Андреевым; и до такой степени, что в первые дни знакомства я часто Андреева называл невольно Всеволодом Михайловичем. И типом лица – южанина, и мягким деликатным характером, Гаршин очень был схож с Андреевым», – так отзывался о писателях художник И. Е. Репин [4, с. 44–45].

Сходство В. М. Гаршина и Л. Н. Андреева, однако, не ограничивалось лишь внешним проявлением. Обоих в критике периодически сравнивают с Э. А. По в связи с особенностями творческой манеры и эффектом

воздействия произведений. Наблюдаются пересечения и в выборе освещаемых тем, объектов отражения (помимо войны – безумие, пограничные состояния человека, соотношение жизни и смерти).

Кроме того, Андреев не отрицал влияния гаршинской традиции, которая органично дополнила его неповторимый авторский стиль. Появившийся на свет на 16 лет позже Гаршина, он относился уже к следующей генерации писателей, что, несомненно, повлияло на формирование уникального художественного метода.

Всеволод Михайлович Гаршин, будучи сыном офицера кирасирского полка и внуком морского офицера, с ранних лет был свидетелем военных действий «изнутри», а позже и сам принял участие Русско-турецкой войне 1877–1878 годов в качестве добровольца. Эти потрясения, вероятно, негативно сказались на и без того слабой нервной системе писателя, что впоследствии привело к трагичному финалу, но вместе с тем – определили его нравственно-ценностные ориентиры.

Отношение к войне, родине и долгу ярко демонстрируют письма, адресованные горячо любимой матери («Мамочка, я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули» [3, с. 370]. «Русский солдат – нечто совершенно необыкновенное» [3, с. 371]. «Какая страна, какая природа! <...> Можно было бы здесь устроить рай земной; а что делается теперь!» [3, с. 372]).

Уже в одном из первых рассказов, «Четыре дня» (1877), чётко очерчивается вектор моральных поисков Гаршина. Сюжет основан на реальных событиях, произошедших с рядовым Болоховского полка Василием Арсеньевым. Раненого спустя четверо суток нашли солдаты роты, в которой служил Гаршин. Главный герой, находясь на волоске от смерти, тщетно пытается нащупать грани дозволенного: допустимо ли лишить жизни врага, оправданы ли муки совести: «Я не хотел зла никому, когда шел драться. Мысль о том, что и мне придется убивать людей, как-то уходила от меня»; «И чем виноват я, хотя я и убил его?» [3, с. 25]).

Дискуссионный вопрос о «необходимом зле» находит развитие в произведении «Трус» (1878), написанном годом позже. Колебания между потребностью и необходимостью пожертвовать жизнью и страхом бессмысленности этой жертвы контекстуально разрешаются фразой Марии, героини рассказа: «Война – зло; и вы, и я, и очень многие такого мнения; но ведь она неизбежна. <...> Вот что: по-моему, война есть общее горе, общее страдание, и уклоняться от нее, может быть, и позволительно, но мне это не нравится» [3, с. 64]. Совсем иное настроение у «Денщика и офицера» (1880). Молодой призывник, «превосходное подтверждение теории Дарвина» [3, с. 131], крестьянин Никита, плохо справляющийся с

солдатским делом, попадает денщиком к праздному прапорщику Стебелькову и честно выполняет его нескончаемые мелкие поручения.

В этой, по сути, бессюжетной зарисовке хорошо отражается тип «бесполезного человека» в военном деле. За топорностью и глупостью Никиты кроется трагедия его семьи, лишившейся кормильца и помощника абсолютно напрасно. Произведение задумывалось как первая глава большого труда «Люди и война», однако этим планам не суждено было осуществиться.

Частичной реализацией масштабного замысла можно считать относительно крупный рассказ «Из воспоминаний рядового Иванова» (1882), повествующий о барине, по собственной воле присоединившемся к фронтовикам. Важный акцент сделан на взаимоотношения простых солдат и вышестоящих лиц. Автор высоко ценит личное достоинство каждого человека, самоотдачу, готовность проститься с жизнью: «...они уже не пушечное мясо. <...> Они не солдаты, не подчиненные! – говорил я дрожащим голосом. Они – люди!» [3, с. 183–184]. Своеобразным итогом можно считать выведенную главным героем формулу: «нужно умереть» вместо «нужно убить».

В реалистичной, местами даже натуралистичной демонстрации «окопной правды» [7, с. 211] Гаршина чувствуется явное влияние толстовской концепции «непротивления злу насилием», истинно христианская жертвенность, антимилитаризм и пацифизм, парадоксально сочетающиеся с безропотным исполнением долга. В художественном методе ощущаются свежие веяния, однако в целом он тяготеет к традиционным образцам русской реалистической прозы XIX века, наследуя характерные черты поэтики Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина.

Леонид Николаевич Андреев никогда не был непосредственным участником военных действий, но отнюдь не считал это обстоятельство хоть сколько-нибудь ограничивающим. Первого августа 1891 года он, еще совсем юный начинающий литератор, оставит в личном дневнике практически пророческую запись, созвучную духу времени: «Я хочу показать всю несостоятельность тех фикций, которыми человечество до сих пор поддерживало себя: Бог, нравственность, загробная жизнь, бессмертие души, общечеловеческое счастье и т. д.» [1, с. 62–63].

В 1904 году появляется «Красный смех» – экспрессивная фантазмагория безумия и ужаса. Первая часть описывает непосредственно военные события со слов очевидца, который лишился ног и утратил рассудок. Вторая часть, написанная братом рассказчика, повествует о последствиях военных действий для мирного населения, городских жителей: антивоенный митинг порождает хаос и беспорядки, семья лишается искалеченного род-

ственника, который в предсмертной агонии несколько недель «пишет великое произведение» – по факту лишь иступлённо царапает бумагу в попытке выразить мысли. Апофеоз захватившей мир гангрены – образ-символ красного смеха: «Это красный смех. Когда земля сходит с ума, она начинает так смеяться. Ты ведь знаешь, земля сошла с ума» [2, с. 362]. Андреев, по собственным заверениям, в детстве был очень увлечён живописью. Вероятно, это повлияло на особенности формирования его видения мира и, соответственно, художественной манеры, динамичной и кинематографичной.

Особенно симптоматично более позднее произведение, повесть «Иго войны» (1916) с подзаголовком «Признания маленького человека о великих днях». Главный герой, банковский служащий Илья Петрович Дементьев, в собственных дневниковых записях рассказывает о событиях Первой мировой войны. Беды мирового масштаба органично переплетаются с личными трагедиями семьи (умирают ушедший на фронт брат жены, любимая дочка Лидочка, престарелая тёща; герой лишается работы и вынужден собирать пожертвования для военных).

Андреев беспрецедентно откровенно описывает широкую гамму чувств и эмоций свидетеля катастрофы мирового масштаба: и радость, связанную с непризывным возрастом, и странное, кровожадное чувство удовлетворения от неудач и потерь врага, и нежелание разделять внимание сердобольной жены с лазаретом, и всё более очевидные индифферентность, чёрствость и жестокость, прорастающие в мыслях и практически доводящие героя до самоубийства. Тем не менее, через крайне деструктивные суждения («Пусть я преступник, пусть я сволочь, злодей, все, что угодно, но, клянусь Богом! – мне нисколько не жаль ваших убитых» [2, с. 166]) и изнурительные обстоятельства, герой всё-таки приходит к патристическому смирению – по крайней мере, умозрительному.

Рассмотрим некоторые формальные и содержательные параллели, присутствующие в анализируемых произведениях.

«Четыре дня» и «Красный смех» объединяет, прежде всего, натурализм, обилие жутких картин физических увечий и воспалённых разумов. Мотив безумия и яркая символическая цветопись также роднит рассказ Андреева с «Красным цветком» Гаршина.

Особый интерес представляет триада «Трус» – «Иго войны» – «Из воспоминаний рядового Иванова». Два первых произведения связывает попытка определения «трусости» в рамках сложившейся ситуации. Присутствуют также другие сюжетные параллели. Например, обращаясь к новостным сводкам о числе погибших в ходе того или иного боя, герой Гаршина не может сохранить спокойствие и сразу визуализирует страшную

картину кровавой бойни, в то время как герой Андреева постепенно приходит к абсолютному равнодушию и вновь обретает сострадание лишь в финале повести.

Примечательны также яркие сравнительные тропы: в «Трусе» человек – «палец от ноги», в «Иге войны» – «клеточка» огромного организма («Нынешняя война – это-де что-то вроде болезни, которая убивает отдельные клеточки в теле и вместе с тем весь организм ведет к обновлению; и пусть на том клеточки и утешатся...» [2, с. 161]). Чрезмерное возвеличивание личности или нации приводит мир к чудовищной дисгармонии, однако самоуничтожение и констатация абсолютной беспомощности не способно повернуть процесс вспять. Человек должен осознавать своё достоинство и потенциал, иначе не сможет в полной мере брать за себя ответственность, ощущать опору и, как следствие, признавать свою причастность к происходящему в мире.

Повесть Андреева и рассказ «Из воспоминаний рядового Иванова» схожи формально – документальны и отрывочны (по этому признаку в сопоставительный ряд можно включить и «Красный смех»).

Наконец, «Четыре дня» и «Иго войны» группируются по интертекстуальным евангельским сюжетам. Рассказ Гаршина весьма прозрачно отсылает к притче о воскрешении Лазаря. Путь героя Андреева, лежащий через смирение, сопоставим с библейским Иовом (этот концепт находит отражение и в «Василии Фивейском») [5].

Таким образом, В. М. Гаршин в своём творчестве рассматривает войну как бедствие и безумие, но вместе с тем «необходимое зло» и результат рокового заблуждения человеческого разума; в мировоззренческой парадигме Л. Н. Андреева сумасшествие войны как кровавой процессии доводится до абсурда: он ощущает необходимость в «великом разрешении», глобальном очищении. Его тексты разнообразнее в стилистическом отношении (синтез реализма, неореализма, экспрессионизма и натурализма) и в большей степени характеризуются аксиологической лиминальностью, амплитудностью, имморальностью. Избран аутоцентрический вектор: исследуется субъективное восприятие войны, ее преломление в конкретных судьбах. При этом человек рассматривается как обобщённый носитель идеалов и морали, микрокосм, отражение событий планетарного масштаба: изменчивость его сознания – лакмусовая бумажка непрерывных социальных, политических, идеологических сдвигов.

Библиографические ссылки

1. Андреев Л. Н. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919) / вступ. статья, сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М. ; СПб. : Atheneum: Феникс, 1994.

2. *Андреев Л. Н.* Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2017.
3. *Гаршин В. М.* Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма / сост. В. И. Порудоминский. М., 1984.
4. *Дурылин С. Н.* Репин и Гаршин (Из истории русской живописи и литературы). М. : ГАХН, 1926.
5. *Лукин Д. С.* Повесть Леонида Андреева «Иго войны» в контексте его творчества // Вестник КГУ, № 2, 2018. С. 136–138.
6. *Манеев И. В.* Военно-философские идеи русского зарубежья первой половины XX века: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 01.06.11 / Военный ун-т. Москва, 2011.
7. *Федотов В. С.* Быль и сказки Гаршина // Нева, 2012. № 7. С. 210–221.